

А. В. ГНОЕВЫХ

ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ В ОТДЕЛЕ БЕЛЛЕТРИСТИКИ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (1904–1914)

Умеренное крыло неонародничества, органом которого был журнал «Русское богатство», выступало за эволюционный путь общественного развития. Художественные произведения, публикуемые там, рисовали негативный образ революционера – морально нечистоплотного, далекого от реальных интересов народа, склонного к схематизму в мышлении.

Ключевые слова: неонародничество, революция, освободительное движение.

Отдел беллетристики занимал видное место в журнале «Русское богатство», крупнейшем издании неонароднического направления. Данный отдел находился в непосредственном ведении выдающегося писателя и общественного деятеля Владимира Галактионовича Короленко, производившего отбор и редактирование присланных рукописей.

Социальная проблематика всегда была главенствующей в отделе беллетристики, а в период с 1904 по 1914 г., отмеченный подъемом освободительного движения и активизацией политической жизни, она приобрела особый колорит – там стала звучать тема революции.

Немногочисленные работы, посвященные политической программе журнале, обходят вниманием вопрос о том, какую роль в идейной борьбе начала XX века играла беллетристика «Русского богатства»¹. То же можно сказать и об исследованиях, касающихся взглядов В.Г. Короленко и его редакторской работы².

Освободительное движение часто питает ущербная идеология – такой тезис был характерен для Короленко и его соредкторов.

Пастор, главный герой романа Конрада Тельмана, пытается своими проповедями искоренить социал-демократическую идеологию, распространившуюся среди рабочих его дяди – крупного промышленника Виллинга. Он принимает за изучение Маркса, Лассалья, Бебеля, «все эти исследования пронизательных, не смущающихся никакими выводами мыслителей, безбоязненно вкладывающих свои персты в гноящиеся раны общественного строя и озаряющих своим светочем глубины человеческих ошибок и сгнившие, но самим временем освященные предания». Однако в этой литературе «не было недостатка в вольном или

¹ Об идейной программе см.: *Бережная*. 1980; *Васильева*. 1988; *Махонина*. 2002.

² Об общественно-политических взглядах Короленко в разное время писали: *Блохин*. 2010; *Бялый*. 1983; *Гуцин*. 1996; *Летов*. 1961; *Миронов*. 1962.

невольном искажении научных фактов, искусно направленных против капитализма, религии и существующего порядка вещей. Гипотезы выдавались за факты, из них делались широкие выводы, годные для того, чтобы вводить в заблуждение невежественные умы, подстрекать и отравлять души несбыточными мечтами о будущем»³.

Герой рассказа Генриха Федерера – деревенский сторож. Он очень начитан (знаниям, однако, не хватает системы), прекрасно разбирается в европейской политике, не боится высказывать одобрение в адрес якобинцев и мечтает о равных возможностях для людей всех сословий. Он обращает внимание на неожиданный источник неравенства: «в городе все по партиям разбиты, и кто к партии не принадлежит, к большинству значит, тому не пробиться никогда, хоть будь он семи пядей во лбу... Первым делом религия, политические взгляды, деньги, а уж год спустя – к уму приглядываться начинают, а про сердце вспоминают, уже когда человек на том свете...». Сторож делает порывистое движение – его узкая куртка расходится по швам – возвышенные мысли улетучиваются и он полностью поглощен поисками английской булавки. Оригинально высмеиваются вульгарно трактуемые идеи равенства. Знакомый сторожа восклицает: «Да здравствует всеобщее равенство... у всех должны быть одинаково красивые дома и одинаковое количество больших окон». Но любимая девушка выглядывает из окна маленького («нет, можно и маленькие окна оставить»), корректирует он свои построения). И после пробуждения на следующий день «он думал не о равенстве и преобразованиях, а гармонике и мясных пирогах – надвигалась Масленица...»⁴.

В ряде произведений показано народное восстание, как правило, терпящее поражение. Упор чаще всего делается на неорганизованность мятежников, их неспособность противостоять силам старого порядка.

В романе Жюль Валлеса «Инсургент» рассказывается о событиях 1870-71 гг. – волнениях во французской столице, приведших к установлению Парижской Коммуны. Его герой, карикатурно изображенный революционер Жан Вэнтра сменил множество занятий. Должность в мэрии он теряет из-за вольномыслия: «не выступать публично – с этим я могу еще примириться; как-никак удар нанесен и мне предстоит теперь все радости негласного надзора. Но подать в отставку! Потерять свое местечко! Все статьи, сулящие блестящее будущее, не стоят тарелки супа»⁵. Затем он выступает как сотрудник радикальных изданий:

³ Тельман. 1905. № 4. С. 123.

⁴ Федерер. 1907. С. 28.

⁵ Валлес. 1906. № 4. С. 57.

«временами мне становится стыдно за себя, когда критики отмечают и хвалят только мой стиль, когда они не замечают оружия, спрятанного под черным кружевом моей фразы, как меч Ахилла на Скиросе».

В описании восстания в Париже в октябре 1870 г. Валлес доходит до трагикомического гротеска. После захвата Ратуши Вэнтра назначается мэром. «Теперь я могу приступить к тому, что обычно делают носители шарфов. Но что же они делают? – Черт! Я не имею представления – бормочет сосед, которого только что назначили моим помощником и который тоже ждал, чтобы его обучили новому ремеслу⁶. Вдруг является прежний мэр, прошедший через батальон, занявший двор и здание, и требует вернуть ему шарф – символ власти. По приказанию Вэнтра, его заключают в шкаф. Ришар через некоторое время начинает просить разрешение выйти для отправления естественных нужд. «Реакция поднимает голову – только что одно требование, сейчас другое», – так комментирует это один из носителей новой власти. В марте 1871 г., когда в Париже создается Коммуна, у власти внезапно оказываются совершенно неизвестные Вэнтра люди: сапожник Рулье становится министром просвещения, а хозяин прачечной Гралье – министром внутренних дел. «Не было времени для выбора – в разгаре боя. Важно было поднять пролетарское знамя там, где развевалось знамя буржуазии»⁷.

Вацлав Серошевский в повести «Побег» рассказывает о жизни в Сибири политических ссыльных (начало 1880-х гг.). Один из них, радикал Арканов: «Я не считаю конституцию за идеал, который можно написать на знамени, и не вижу другого пути для России, как террор и еще раз террор». Его рассуждения встречают неприятие окружающих: «Это могущественное средство, но не единственное... Насилие иногда неизбежно, но есть ли у вас силы и средства для проведения такой программы? На кого вы рассчитываете, отказываясь от пропаганды среди масс? Насилие не содержит в себе других идеальных элементов, кроме самопожертвования, поэтому оно не обладает притягательной силой, не привлекает последователей». Арканов радуется убийству народовольцами Александра II: «Цепи рабства порваны навсегда!». Ему с раздражением парируют: «несомненно, событие первостепенной важности; главное, какое оно произведет впечатление на простой народ: перестанет ли он боготворить своих властителей или, наоборот, возмутится и встанет против освободителей. И то, и другое возможно! Кто поручится, что это удачное покушение не поведет к еще горшей реакции! Лицо выбрано

⁶ Валлес. 1906. № 9. С. 234.

⁷ Валлес. 1906. № 10. С. 34.

неудачно... Для народа он, все-таки, был лучшим царем. Я вижу в этом убийстве, как и в других покушениях, только доказательство политического бессилия и политической бестактности партии!»⁸. История показала, что ответом на террор «Народной воли» стали контрреформы, а народ остался безучастным к происходящему.

В. Яблочков описал трагикомическую ситуацию, когда толпа революционно настроенной молодежи (студенты и гимназисты) воздвигает совершенно ненужную, с тактической точки зрения, баррикаду и, так и не дождавшись прихода рабочих, рассеивается небольшим отрядом казаков⁹. Всевозможные бунтари, о которых повествуют произведения, публикуемые в журнале, оторваны от народа и не знают его реальных нужд.

Герой истории Жана Шантавуана Эжен Шамар в детстве «был брошенным ребенком, потом стал жалким рабочим, потом безработным, неуверенным в завтрашнем дне»; «вследствии своей лениности и чтения вредных книг превратился в анархиста и пропагандиста не словом, а делом». На его совести было множество террористических актов во всех уголках Франции. Общество было повергнуто в ужас, и с поимкой анархиста «Франция вздохнула свободно, словно новый Гераклес избавил ее от сказочного чудовища». Простой народ, находящийся во власти звериных инстинктов, с нетерпением ждал публичной казни Шамара («идея, что справедливость должна получить удовлетворение, набрасывала красивый покров на низкое желание увидеть как две струи крови текут из перерезанного горла»). В тюрьме Шамар заболевает тифом и, таким образом, возникает вероятность, что до публичной казни он не доживет. Власти, не желавшие волнений лишенного очередного развлечения народа, окружают преступника заботой. Уход, хорошее питание, беседа с благочестивыми монашками вызывают у Шамара мысли начать жизнь сначала: «единственное возможное существование для человека – это существование честного труженика»¹⁰.

Мелочная опека со стороны хозяина раздражает рабочих. «...Из упрямства, из желания разозлить надзирателей или из желания их надуть, люди, никогда и не думавшие ни о чем подобном, становятся социал-демократами, то есть совсем не по убеждению и не из-за того, что там сулят золотые горы: большинство знает, что быть с ними заодно очень опасно», – такая ситуация описывается в романе «Что есть истина?»¹¹.

⁸ Серошевский. 1906. С. 24.

⁹ Яблочков. 1913. С. 78.

¹⁰ Шантавуан. 1907. С. 28.

¹¹ Тельман. 1905. № 10. С. 34

Неонародники, органом которых был журнал, признавали возможность классового мира: в частности, они подчеркивали отсутствие непримиримых противоречий между интересами рабочих и предпринимателей: чем лучше условия жизни и труда рабочего, тем большую выгоду получает хозяин. В романе Г. Уэллса «Новый Маккиавелли», опубликованном в «Русском богатстве» упоминаются тяжелые условия жизни рабочих, лишенных элементарных социальных гарантий. Чрезвычайно колоритен образ бывшего рабочего с белым невидящим глазом – зрение он потерял в результате производственной травмы и был вынужден оставить привычные занятия. Но показательно и другое – требования рабочих часто неумеренны, а их болезни происходят порой от их же халатного поведения. «Рабочая идеология – односторонняя. Как я раньше этого не понимал?», – так прямо заявляет главный герой¹².

Сам Короленко понимал значение рабочего вопроса, но не считал капиталистов паразитическим классом и признавал, что они играют огромную роль в организации производства¹³. В рассказе Короленко «Легенда о царе и декабристе» (1911) Александр II показан как носитель общенациональных интересов, вступивший во имя преобразований в конфликт с массой консервативно настроенного дворянства. Визит императора в Нижний Новгород накануне реформы принес победу либеральному меньшинству губернского комитета, занимавшегося разработкой проекта освобождения крестьян, над реакционным большинством¹⁴. «Правительство, проводя реформы, стояло впереди своего народа, в его рабской и рабовладельческой массе, и вводило новые начала жизни», – писал Короленко в другом месте¹⁵. Сам император при встрече с промышленником Виллингом одобряет его меры по улучшению жизни рабочих и ставить в пример другим капиталистам¹⁶. Короленко отмечал, что «всегда исходил из идеи, что обращаться нужно не только к совести, но и к учреждениям»¹⁷. Писатель отказывает Л.Н. Толстому в публикации в журнале романа «Начало жизни»: «ваш герой впадает в худшую крайность – полного примирения и даже безразличия ко всему, что выходит за пределы семьи и отношений к ближайшим соседям»¹⁸.

¹² Уэллс. 1913. С. 267.

¹³ Короленко. 1953. Т. 5. С. 59.

¹⁴ Короленко. 1911. С. 136.

¹⁵ Короленко. 1955. Т. 9. С. 433.

¹⁶ Тельман. 1905. № 11, С. 199.

¹⁷ Короленко. 1956. Т. 10. С. 78.

¹⁸ Там же. С. 345.

В советское время было принято говорить о близости Короленко к революционному движению. «Положительные герои Короленко свидетельствуют о его революционном демократизме. Все они поборники свободы и социальной справедливости, деятельные и мужественные люди», – так писала Н.Д. Михайловская¹⁹. Сам писатель говорил: «в идеальном образе человека, по которому должна отливаться совершенствующаяся человеческая порода, негодование и гнев против насилия и всегдашняя готовность отдать жизнь на защиту своего достоинства, независимости и свободы должны занимать нормальное место»²⁰. Но от умения постоять за свои идеалы очень далеко до признания революции наилучшим путем решения общественных проблем. Среди бунтарей, представленных в отделе беллетристики журнала, есть, пожалуй, всего один действительно положительный персонаж – это Тиль Уленшпигель, национальный герой Фландрии²¹. Но он, как известно, в первую очередь борец за независимость – в романе де Костера, описывающем эпоху первой в истории буржуазной революции, нигде нет указаний на желание Тили устранить феодализм и дать дорогу началам капитализма.

Критикуя преобразования большевиков, Короленко подчеркивал: «силой задержать самодеятельность в обществе и в народе – это преступление, которое совершало наше старое павшее правительство. Но есть и другое, пожалуй, не меньшее зло – это силой навязывать новые формы жизни, которых народ еще не осознал, и с которыми не мог еще ознакомиться на творческом опыте»²². Таким образом, допуская возможность революции политической, он осуждал идею революции социальной.

В конце 1890-х годов Короленко отмечал, что марксизм «явление живое и интересное. Несомненно, что оно вносит свежую струю даже своими увлечениями и во всяком случае заставляет многое пересмотреть заново... В русской жизни найдется много такого, с чем следует бороться прежде, чем с марксистами. А уж если бороться, то, конечно, так, как борются с явлением, родственным по духу и истекающим из тех же побуждений, что одушевляют и нас»²³. Советские авторы часто упоминали о том, что редактор Короленко отверг присланную ему повесть Сведенцова «Кошмар» как клевету на марксизм²⁴. Однако более внимательный анализ массива беллетристики журнала «Русское богатство»,

¹⁹ Михайловская. 1951. С. 39.

²⁰ Короленко. 1956. Т. 10. С. 79.

²¹ Тиль Уленшпигель. 1915. № 1-6.

²² Короленко. 1990. С. 234.

²³ Цит. по: Летов. 1961. С. 47.

²⁴ Миронов. 1962. С. 244.

за подбор которой отвечал Короленко, показывает, что он, несмотря на признание правомерности некоторых выводов марксизма (эксплуатация рабочих и т.д.), считал данное учение односторонним и, тем более, отвергал его революционную составляющую.

Неонародничество выступало за широкую демократизацию России, и в отделе беллетристики были в изобилии представлены прямотаки карикатурные фигуры всевозможных ретроградов. Салтанов из повести В.И. Дмитриевой «Людоеды», который полагал, что русский дворянин не должен читать Толстого, и выражал желание сжечь все университеты и гимназии, описывается как «обнищавший и опустившийся до потери человеческого образа старик». Он отличается особенной неопрятностью и одет в «невероятно затасканный мундир и треуголку, напоминающей растоптанную калошу»²⁵32.

Резюмировать отношение журнала к революции можно цитатой из романа «Что есть истина?»: «Наше время требует мирных реформ и не терпит насильственных переворотов. Революционное восстание только отдалит выполнение ваших справедливых требований на бесконечно далекий срок. Против вас вооружатся все, кто честно и серьезно хотел бы работать над организацией нашего общества, а теперь, из сострадания чувствует себя обязанным протянуть вам руку»²⁶33.

Анализ материалов отдела беллетристики «Русского богатства», слабой в художественном отношении, очень ярко показывает надпартийный характер издания и приверженность его сотрудников к мирному, эволюционному пути общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бережная Л.Г.* Публицистика журнала «Русское богатство» (1905–1915 гг.). Дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. М., 1980. 234 с.
- Блохин В.В.* А все-таки впереди огни (о реформистском демократизме В.Г. Короленко) // Вестник РУДН, серия История, 2010, № 1.
- Бялый Г.А.* В.Г. Короленко. Л.: Худож. лит. Ленингр. Отд-ние, 1983. 234 с.
- Валлес Ж.* Инсургент // Русское богатство. 1906. № 4-10.
- Васильева Т.А.* Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876–1916 гг.). Дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. М., 1988. 199 с.
- Гуцин Ю.Г.* Реальность и вымысел в произведениях В.Г. Короленко. Глазов: Волговятгиз, 1996.
- Дмитриева В.И.* Людоеды // Русское богатство. 1905. № 3.
- Короленко В.Г.* Легенда о царе и декабристе // Русское богатство. 1911. № 2.
- Короленко В.Г.* Лев Николаевич Толстой // Собр. соч. Т. 5. Воспоминания М., «Правда», 1953.

²⁵ *Дмитриева.* 1905. С. 167.

²⁶ *Тельман.* 1905. № 12. С. 343.

- Короленко В.Г.* Соня на лекции госпожи Лухмановой // Собр. соч. в 10-ти т. Т. 9. М.: ГИХЛ, 1955.
- Короленко В.Г.* Письмо к И.С. Жулину // Там же. Т. 10: Письма 1879–1921. М.: ГИХЛ, 1956.
- Короленко В.Г.* Письмо к Л.Н. Толстому // Там же. Т. 10: Письма 1879–1921. М.: ГИХЛ, 1956.
- Короленко В.Г.* Письма к Луначарскому // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., Современник, 1990.
- Летов Б.Д.* Короленко-редактор Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. 345 с.
- Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века. Учеб. пособие. М.: Наука, 2002. 203 с.
- Миронов Г.М.* Короленко М.: Молодая Гвардия 1962. 244 с.
- Михайловская Н.Д.* В.Г. Короленко в борьбе с правительственной реакцией 1880–1890-х. Дисс. на соиск. степ. к. филолог. н. М. 1951.
- Модели общественного переустройства России. М.: Росспэн, 2004.
- Серошевский В.* Побег // Русское богатство. 1906. № 7.
- Тельман К.* Что есть истина? // Русское богатство. 1905. № 4-12.
- Тиль Уленшпигель* // Русское богатство. 1915. № 1-6.
- Уэллс Г.* Новый Маккиавелли // Русское богатство. 1913. № 7.
- Федерер Г.* Прометей // Русское богатство. 1907. № 6.
- Шантавуан Ж.* Анархист // Русское богатство. 1907. № 6.
- Яблочков В.* Баррикада // Русское богатство. 1913. № 1.
- Гноевых Алексей Викторович**, аспирант Института российской истории РАН;
uhenko19861@gmail.ru